

Э. Махъ.

АНАЛИЗЪ ОЩУЩЕНІЙ

И

ОТНОШЕНІЕ ФИЗИЧЕСКАГО КЪ ПСИХИЧЕСКОМУ.

РАЗРѢШЕННЫЙ АВТОРОМЪ

перев. съ рукописи пятого дополненнаго нѣмецк. изданія

Г. Котляра,

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ АВТОРА КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

и съ вступительной статьей

А. Богданова.

Изданіе

С. СКИРМУНТА.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пимен. ул., соб. д.
Москва—1907.

Чего искать русскому читателю у Эрнста Маха?

Было бы смѣшно рекомендовать *Эрнста Маха* русской публикѣ вообще какъ мыслителя и ученаго. Онъ пользуется въ Россіи едва ли меньшею извѣстностью, чѣмъ на Западѣ. Было бы также излишне съ моей стороны давать характеристику и общее изложеніе философскихъ взглядовъ *Маха*: онъ самъ дѣлаетъ это за себя гораздо лучше, чѣмъ могъ бы кто-либо другой; онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ философовъ, которыхъ надо спеціально переводить на языкъ обыкновенныхъ смертныхъ. Моя задача совершенно иная, она вытекаетъ изъ условій мѣста и времени.

Великая, грозная революція идетъ въ нашей странѣ. Развертывающаяся борьба уноситъ колоссальную массу силъ и жертвъ. Этой борьбѣ отдаетъ всю энергію своей мысли и воли всякій, кто хочетъ быть на дѣлѣ гражданиномъ великаго народа.

Пролетаріатъ идетъ въ первыхъ рядахъ революціи, онъ выноситъ на себѣ главную ея тяжесть. На партіи пролетаріата лежитъ наибольшая историческая отвѣтственность за ходъ и исходъ этой борьбы.

Въ такую эпоху не долженъ ли каждый, отдавшій себя дѣлу пролетаріата, или хотя бы только дѣлу революціи вообще, рѣшительно сказать себѣ: «теперь не время для философіи!»— не долженъ ли на цѣлые, можетъ быть, годы отложить въ сторону и эту книгу?

Такое отношеніе къ философіи стало теперь обычнымъ. Оно очень естественно при данныхъ условіяхъ,—это не мѣшаетъ ему быть и очень ошибочнымъ.

Но и среди людей, не стоящихъ на этой ошибочной точкѣ зрѣнія, есть очень вліятельные теоретики, относящіеся съ крайнею враждебностью къ идеямъ *Маха* и ко всему новѣйшему естественно-научному позитивизму. *Тов. Плехановъ*, котораго безъ особой неточности можно назвать официальнымъ философомъ нашей партіи, склоненъ приписывать «махизму» какое-то огромное и притомъ чрезвычайно вредное вліяніе на жизнь и судьбы русской социаль-демократіи. Ведется цѣлый систематическій походъ противъ школы *Маха*—*Авенариуса* и противъ всего, что сколько-нибудь съ ней соприкасается. Политическій авторитетъ кладется на чашку вѣсовъ въ борьбѣ философскихъ идей, и молодымъ умамъ старательно внушается мысль о какой-то антиреволюціонности новѣйшей философіи естественныхъ наукъ. Этимъ путемъ создаются предразсудки, съ которыми нельзя не считаться.

Изъ всего изложеннаго вытекаетъ та задача, которую я себѣ ставлю въ данный моментъ. Она заключается въ выясненіи того, зачѣмъ нужна и полезна философія *Маха* для сознательнаго борющагося пролетаріата и для товарищески присоединившейся къ нему части интеллигенціи изъ другихъ классовъ,—насколько нужна и полезна не только вообще, но и особенно — *sub specie revolutionis*.

I.

Въ эпоху революціи жить становится несравненно «труднѣе», особенно для человѣка-гражданина, для человѣка, желающаго относиться къ происходящему вокругъ него не фаталистически-пассивно, но сознательно и активно. Новизна и сложность переживаемаго таковы, что задача ориентироваться въ смѣнѣ событій и положеній требуетъ для

своего разрѣшенія неизмѣримо бѣльшихъ усилій, чѣмъ въ обычное время. А между тѣмъ ориентироваться необходимо, чтобы дѣйствовать цѣлесообразно. Каждый правильный шагъ въ общественной борьбѣ приноситъ въ революціонную эпоху въ десятки разъ больше пользы, каждая ошибка — въ десятки разъ больше вреда, чѣмъ при иныхъ условіяхъ.

Чтобы ориентироваться и правильно дѣйствовать среди запутанныхъ комбинацій и потрясающихъ картинъ революціоннаго періода, для этого *мало* личнаго политическаго опыта и знанія исторіи. Нужна общая ясность и дисциплина мысли, неуклонно-последовательная логика, умѣнье и отрѣшаться отъ частныхъ, и связывать ихъ съ общимъ, способность отчетливо понять соотношеніе цѣлаго и частей идеала и средствъ борьбы за него. Все это рождается, конечно, изъ науки и жизни, но все это концентрируется въ философіи, оформляется и закрѣпляется ею. Философская критика есть устраненіе общихъ противорѣчій, философскій синтезъ — общее объединеніе разрозненнаго, то и другое — въ области познанія. Такова же въ практической соціальной жизни работа революціи. Если наука и познаніе вообще представляютъ изъ себя міръ *организующихъ приспособленій* для жизни, то спеціально философія въ наибольшей мѣрѣ можетъ и должна играть такую роль для *революціонной* жизни и борьбы. Отсюда — глубокое внутреннее сродство философіи и революціи. Всѣ великія революціи новаго времени совершались подъ знаменемъ философскихъ идей — религіозно-реформаторскихъ въ XVI и XVII вѣкѣ, просвѣтительно-освободительныхъ въ XVIII вѣкѣ; а въ нашей Великой Россійской революціи ея пролетарскій авангардъ идетъ подъ знаменемъ соціально-освободительной философіи марксизма.

Та или иная философская доктрина можетъ, конечно, быть не прогрессивной или даже реакціонной; но взятая *въ ея развитіи* философія по существу революціонна, какъ революціонно составляющее основу ея развитія научное познаніе,

которое также вѣдь можетъ при извѣстныхъ условіяхъ играть роль орудія для реакціонныхъ силъ, для реакціонныхъ цѣлей.

Философія *Маха* выражаетъ собою наиболѣе прогрессивныя тенденціи въ одной изъ двухъ основныхъ областей научнаго познанія—въ области естественныхъ наукъ.

II.

Философія *Маха*—это философія современнаго естествознанія. Не слѣдуетъ ли отсюда уже а priori заключить, что она должна быть далека отъ *соціальной* жизни, отъ ея опыта и ея логики? Не слѣдуетъ ли признать, что съ точки зрѣнія общественной борьбы, съ точки зрѣнія революціонной работы интересъ такой философіи можетъ быть лишь чисто-академическимъ, а не практическимъ? Въ обычныхъ представленіяхъ естественно-научная философія такъ далека отъ соціальной науки и философіи, а тѣмъ болѣе отъ соціальной жизни.

Но это—наивная точка зрѣнія. Роль философіи заключается, вообще говоря, не въ томъ, чтобы давать непосредственныя директивы для жизни и борьбы, а въ томъ, чтобы вырабатывать дѣятеля жизни и борьбы—человѣка—въ существо, могучее своей внутренней цѣльностью и опредѣленностью, широтой и ясностью взгляда, неуклонностью своей логики... И въ этомъ смыслѣ строгая и стройная, богатая научнымъ содержаніемъ философія естествознанія имѣетъ громадное значеніе.

Въ своемъ развитіи, въ своей прогрессивной тенденціи философія едина: она есть философія опыта и познанія вообще, а не философія той или иной науки. Но то или иное философское міровоззрѣніе отдѣльной личности или цѣлой школы можетъ, конечно, сложиться подъ *преобладающимъ* вліяніемъ опредѣленной области научнаго познанія. Это естественнымъ образомъ приводитъ болышею частью къ извѣстной (количественной) неполнотѣ самого міровоззрѣнія, иногда

также — къ (качественной) его односторонности. Что представляет изъ себя съ этой точки зрѣнія естественно-научная философія *Маха*?

Сторонникъ соціальной философіи *Маркса* не можетъ не исходить изъ ея основныхъ посылокъ въ рѣшеніи этого вопроса. И если вдуматься въ эти послылки, то онѣ быстро приводятъ къ опредѣленному общему выводу:

философія, дающая цѣльное и истинное для нашего времени міровоззрѣніе, въ своей основѣ должна быть естественно-научной.

Пояснимъ логику этого вывода.

Первое и главное соціально-философское положеніе *Маркса* говорить, что основою всего и всякаго общественнаго развитія является «ростъ производительныхъ силъ общества», или «возрастаніе власти общества надъ природою», т.-е. развитіе трудовой техники.

Познавательнымъ выраженіемъ этихъ «производительныхъ силъ», этой «власти надъ природою», этой трудовой техники служатъ ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ техническія знанія. Ихъ систематизація и завершеніе образуетъ *естественныя науки*, отъ математики и элементарной механики до высшихъ областей біологіи включительно.

Естественныя науки — это *организованный техническій опытъ*, это (употребляя марксистское выраженіе)—идеологія производительныхъ силъ общества.

Слѣдовательно, естествознаніе относится къ производнымъ областямъ познанія — какова философія — именно такъ, какъ общественная техника къ производнымъ соціальнымъ формамъ, т.-е. какъ необходимая всеобщая основа.

Сама соціальная философія *Маркса* — высшее и лучшее выраженіе монистическаго познанія — есть живая иллюстрація этой мысли. Марксизмъ есть не что иное какъ *естественно-научная философія соціальной жизни*.

Основу и характеристику всякой науки, всякой философіи составляет ея *методъ*. Сущность историко-матеріалистическихъ концепцій *Маркса* заключается именно въ примѣненіи *естественно-научнаго* метода къ познанію *соціальной* жизни.

Марксъ разсматривалъ соціальныя процессы всецѣло съ точки зрѣнія его объективной закономерности, устраняя и исключая въ своемъ анализѣ всѣ элементы субъективизма и всякое представленіе о произволѣ и случайности въ ходѣ явленій. Это — точка зрѣнія *естественно-научнаго* познанія, до сихъ поръ еще принятая далеко не всѣми соціологами.

Марксъ изслѣдовалъ развитіе общества, исходя изъ идеи о строгой его зависимости отъ отношеній между обществомъ и внѣшней природой въ борьбѣ за существованіе. Это — также *естественно-научная* точка зрѣнія.

Марксъ принималъ въ общественномъ развитіи формы «низшія», т.-е. болѣе простыя и болѣе непосредственно связанные съ борьбою за существованіе, за формы первичныя и основныя, а «вышія», т.-е. болѣе сложныя и стоящія въ менѣе прямой связи съ жизненной борьбой, — за производныя, за «надстройки». И это опять-таки *естественно-научная* точка зрѣнія.

Быть можетъ, самымъ поразительнымъ проявленіемъ геніальности *Маркса* является именно тотъ фактъ, что онъ провелъ въ своей соціальной философіи основныя идеи новѣйшихъ естественно-научныхъ методовъ какъ разъ въ то время, когда въ самой біологіи эти идеи еще только проби-вали себѣ дорогу. Знаменитое предисловіе къ «Zur Kritik der Polit. Oekonomie», формулирующее сущность историческаго матеріализма, появилось въ свѣтъ въ томъ же году, въ которомъ и «Происхожденіе видовъ» *Дарвина*.

Изъ всего изложеннаго съ очевидностью слѣдуетъ, что *философія естествознанія* можетъ и не страдать вовсе той узостью и односторонностью, какой мы склонны были бы аргіогі ожидать въ міровоззрѣніи, построенномъ на основѣ

отдѣльной, спеціальной области человѣческаго опыта. То или иное изложеніе естественно-научной философіи можетъ, конечно, представлять извѣстную *неполноту* по отношенію, напр., къ познанію соціальной жизни, какъ у *Маха*; но если мышленіе философа стоитъ дѣйствительно на высотѣ современнаго ему естествознанія, то онъ можетъ дать намъ удовлетворительныя *общефилософскія* концепціи, которыя не встрѣтятся съ противорѣчіями и въ остальныхъ сферахъ человѣческаго опыта, но, напротивъ, и тамъ окажутся познавательно-полезны.

III.

Махъ — философъ-естествоиспытатель. Какъ философъ, онъ опирается на всю ту выработку мышленія, какая достигнута за послѣдніе вѣка мыслителями Германіи, соединяя съ этимъ глубокой позитивизмъ метода и особенную ясность выводовъ, въ чемъ обнаруживается серьезное вліяніе англійскихъ философовъ. Какъ естествоиспытатель, *Махъ* не только стоитъ въ первомъ ряду всемірныхъ работниковъ науки, но и среди нихъ выдѣляется своей широтой и разносторонностью; это не специалистъ одной узкой области: его изслѣдованія и открытія захватываютъ и теоретическую механику, и почти всѣ остальные области физики, и фізіологію органовъ чувствъ. Благодаря всему этому вмѣстѣ *Эрнстъ Махъ* и могъ стать величайшимъ изъ нынѣшнихъ работниковъ философіи естествознанія, я бы сказалъ — самымъ крупнымъ въ настоящее время философомъ вообще.

Я тѣмъ съ большею рѣшительностью позволяю себѣ высказать это мнѣніе, что мои собственные взгляды во многомъ не сходятся съ воззрѣніями *Э. Маха* — и притомъ не только со стороны отмѣченной выше неполноты этихъ послѣднихъ въ сферѣ соціально-философскаго мышленія... Но я полагаю, что уже одна — поистинѣ колоссальная — критическая работа, выполненная *Э. Махомъ* въ его беспощадной борьбѣ про-

тивъ всевозможныхъ фетишей научнаго и философскаго познанія, противъ окаменѣлыхъ понятій, успокоивающихъ и задерживающихъ пытливость человѣческаго ума,—уже одна эта сторона его работы дѣлаетъ произведенія *Маха* въ наше время совершенно необходимой школой для всякаго, стремящагося выработать себѣ дѣйствительно научное, критически продуманное міросозерцаніе. При этомъ въ своей естественно-научной методологіи, которая составляетъ основное содержаніе философской дѣятельности *Маха*, онъ отнюдь не ограничивается отрицательно-критическими задачами. Научный экспериментъ въ поразительно обдуманной, почти идеально-точной постановкѣ и остроумныя — иногда до неожиданности — сопоставленія самыхъ различныхъ и разнообразныхъ наблюдений тѣсно сплетаются у него съ глубоко-философскимъ анализомъ идей, давая ему надежную исходную точку и гарантируя содержательность и прочность выводовъ. Въ предлагаемой книгѣ читатель найдетъ массу примѣровъ такого рода.

Насколько по существу правильны и цѣлесообразны основныя методологическія послыжки изслѣдованій *Маха*, это съ особенною рельефностью выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится затрогивать соціально-философскіе вопросы. Въ общемъ это — чуждая ему область; притомъ онъ не только не марксистъ, но, насколько можно судить по его произведеніямъ, по всей вѣроятности даже совершенно не знакомъ съ теоретическими основами марксизма. И однако вы встрѣтите у него выводы, не только тѣсно соприкасающіеся, но прямо совпадающіе съ идеями историческаго матеріализма. Происхожденіе науки и искусства, какъ побочныхъ продуктовъ хозяйственнаго труда людей (см. «*Erkenntniss und Irrtum*» — «Познаніе и заблужденіе» — его послѣднюю работу), происхожденіе познанія вообще изъ трудовой техники (см. «*Wärmehlehre*» — «Ученіе о теплотѣ») — такіе взгляды иному умѣренному марксисту могутъ показаться даже «крайностью» историческаго матеріализма. Въ вопросѣ о происхожденіи рѣчи

Э. Махъ принимаетъ теорію *Нугаре* о соціально-трудовомъ генезисѣ первичныхъ корней — теорію, по существу строго марксистскую, какъ ни мало марксистъ ея авторъ. Такова сила строгихъ и выдержанныхъ естественно-научныхъ методовъ, что и въ областяхъ, лежащихъ за предѣлами естествознанія, они ставятъ мыслителя на правильный и надежный путь.

Въ русской литературѣ можно встрѣтить полемическія выходы противъ *Маха*, обвиняющія его въ «идеализмѣ» и даже солипсизмѣ. Опровергать такія обвиненія мнѣ здѣсь не приходится. Читатель этой книги самъ увидитъ, сколько въ нихъ крайняго — выразимся помягче — «субъективизма». Впрочемъ, долженъ признаться, что въ виду особенной популярности и ясности, свойственной изложенію *Маха* и устраняющей, казалось бы, всякую возможность грубыхъ недоразумѣній, я сомнѣваюсь, стоило ли въ этомъ случаѣ заботиться о мягкости выраженій.

Другое обвиненіе, выдвигаемое у насъ противъ *Маха* тѣми же его противниками, старающимися помѣшать распространенію его идей среди революціонно настроенныхъ слоевъ читающей публики, — это обвиненіе въ «буржуазности». На особенно наивную молодежь оно производитъ-таки нѣкоторое впечатлѣніе: извѣстно, что *Махъ* отнюдь не соціалъ-демократъ и вообще не революціонеръ, такъ что подозрѣніе въ «буржуазности» его философіи кажется довольно вѣроятнымъ тѣмъ, кто не знакомъ съ нею.

Сколько серьезности и принципиальности въ этомъ полемическомъ приѣмѣ, легко видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ:

1) абсолютно никакихъ конкретныхъ указаній на практически-буржуазныя тенденціи въ міровоззрѣніи *Маха* означенными его противниками — тов. *Плехановымъ* и его учениками — не дается;

2) характеризуя буржуазную философію вообще, тѣ же самые писатели сводятъ ея специфическія тенденціи къ идеямъ бога, свободы воли, безсмертія души, для каковыхъ

идей въ философіи *Маха*, при его отрицаніи всякой «вещи въ себѣ», *абсолютно нѣтъ* и не можетъ быть мѣста;

3) въ противовѣсъ философіи естествознанія XX вѣка, которой учить *Э. Махъ*, означенные его противники выдвигаютъ философію естествознанія XVIII вѣка, въ формулировкахъ барона *Гольбаха*, чистѣйшаго идеолога буржуазіи, весьма далекаго и отъ умѣренно-соціалистическихъ симпатій *Э. Маха*.

Только исключительнымъ обостреніемъ идеологическихъ споровъ въ нашей средѣ можно объяснить и отчасти извинить примѣненіе такихъ способовъ «критики» въ данномъ случаѣ. До сихъ поръ марксисты, слѣдуя примѣру *Маркса*, всегда умѣли учиться у *Дарвина*, *Гегеля*, *Рикардо*, не пугаясь ихъ *дѣйствительной* буржуазности, какъ и самъ *тов. Плехановъ* учился у архи-буржуазнаго *Гольбаха*.

У *Маха* многому можно научиться. А въ наше бурное время, въ нашей залитой кровью странѣ особенно дорого то, чему онъ учитъ всего больше: спокойная неуклонность мысли, строгій объективизмъ метода, беспощадный анализъ всего принятаго на вѣру, беспощадное истребленіе всѣхъ идоловъ мысли. Все это нужно намъ не только для цѣльности и научности міровоззрѣнія.

«Анализъ ощущеній» вводитъ читателя въ циклъ основныхъ идей *Маха*. Его «Механика» и «Ученіе о теплотѣ» рисуютъ непосредственное примѣненіе этихъ идей въ физикѣ, реформирующее самую науку. «Познаніе и заблужденіе» представляетъ общую систематизацію философскихъ воззрѣній этого мыслителя. До сихъ поръ, кромѣ «Анализа ощущеній» и еще «Популярно-научныхъ лекцій», на русскій языкъ переводились только отдѣльныя главы изъ его основныхъ работъ. Нельзя не выразить горячаго пожеланія, чтобы какъ можно скорѣе было переведено и все остальное.

А. Богдановъ.

4 сентября 1906 г.

Сканирование - Беспалов, Николаева
DjVu-кодирование - Беспалов

